

3g

Общая таб - 1997-14-2025-
-с. 14.

My Fair Lady

В постановке Льва Новикова

Монолог мастера

Лев **НОВИКОВ** – художник. По гриму. Его макияж и прически становились визитной карточкой многих спектаклей и шоу. Он работал с Моисеевым, Долиной и многими-многими, с Гнеушевым и Виктюком, с ведущими каналов НТВ и ТВ-6, с «Мисс России» отправляющимися на покорение Вселенной.

Новиков делает из лиц лица. В шоу-бизнесе он зарабатывает деньги, а имя и авторитет (в собственных глазах в том числе) зарабатывает, работая с актрисами. Так близко, как Новикова, эти женщины к себе мало кого подпускают: когда он с кисточкой наклоняется над лицом, их дыхания соприкасаются...

О Демидовой

– В девятом классе я ходил на кинофакультатив. Ранним утром человек десять собирались в кинотеатре «Пионер» и смотрели фильмы – Бергмана, Бертолуччи, Тарковского. Когда я увидел Аллу Демидову, подумал: она не актриса, она героиня Тарковского. Я предположить не мог, что когда-нибудь дотронусь до этого лица.

Алла заранее знает, что гример может сделать с ней: публика хочет видеть актрис красотками, как на гляцевых фотографиях. Алла – личность. Она не боится быть собой. И очень мне доверяет. С ней единственной мы работаем без зеркала.

Мы любим поговорить ни о чем под чай с коньяком. Она рассказывает о своих впечатлениях от жизни – такая

констатация разочарований. Происходящее сейчас на сцене и на экране Алла называет «эффектом голого короля»: временщики, яркие и бравадные, активно заполняют пространство своей пустотой. Она рассказывает про Афины, где пять тысяч зрителей, замерев в тишине, слушают ее Ахматову и Цветаеву.

У Аллы красивый беспорядок: на туалетном столике, среди букетов засохших цветов зеркальце Параши Жемчуговой, на стенах Серебрякова и Хамдамов. Она читает книжку, оставляет ее на раскрытой странице на несколько дней, таких книжек много разложено. Где-то лежит яблоко, где-то стоит чашка тонкого фарфора с недопитым чаем. Ее квартира полна ощущением свободы и ни от кого и ни от чего независи-

мости. Есть в этом что-то картинное, завораживающее, раскованное. Демидова хлебосольна по-русски. Ее домработница традиционно, много лет, готовит на обед настоящие котлеты и компот.

Есть в ней очаровательный налет усталости: сколько раз она говорила, возвращаясь с очередных гастролей: «Если бы снова выбирала профессию, ни за что не стала бы актрисой». Кокетства в этом чуть-чуть. В основном – правда.

О Сац

Я работал в салоне на Котельнической. Причесывал Уланову, которая жила в высотке. Она познакомила меня с Сац. В разгаре была борьба с нетрудовыми доходами, «макияжа» в прейскуранте услуг салона-парикмахерской не было: до недавнего времени это слово у нас считалось чужим и вульгарным. Манекенщицы сами рисовали себе глаза и румянили щеки, а в театральных программах слово «макияж» печаталось где-то совсем внизу, на уровне слова «тираж». Так что я ходил к ней домой, она за одну стрижку платила мне четверть обычной зарплаты парикмахера.

Поначалу я относился к ней как к бабушке. Бабушкой она была по возрасту и по статусу, но не по настроению. Многих раздражала ее энергия: старушки, проводящие дни на скамеечках у подъездов элитного дома, тоже когда-то сверкали, будучи чьими-то женами. Они постарели, стали вдовами, а Сац проходила мимо своих ровесниц походкой королевы.

Даже когда ей было за восемьдесят, она ощущала себя женщиной, и окружающие к ней так же относились. Для таких женщин возраст – как годовые кольца на дереве, придающие силу и прочность. Наталья Ильинична, стоит заметить, мужчин из поля зрения тоже не выпускала. Как-то она отправилась в мастерскую заправлять ручку чернилами. Картинка нашей жизни – шикарная женщина в шубе до пят заправляет ручки! Возвращается возбужденная: «Там такой мастер! Красивый, розовый, толстый. Как персик!»

Ее всегда волновало, как она выглядит. Ей прислали платье из Америки, роскошное, короткое, она давно уже в таких не ходила и поинтересовалась у меня, можно ли ей открыть колени. Ноги у нее были как у молодой женщины.

В лагерях Наталья потеряла свой черный цвет волос – однажды наклонилась над лужей и увидела в ней отражение абсолютно седой женщины. Когда мы познакомились, она закрашивала седую полоску жженой пробкой, наткнутой на шпильку.

В парикмахерскую заходила как на королевский прием. По возрасту и по заслугам она имела множество льгот, в том числе всюду проходить без очереди. Но разве могла Наталья Сац трясти перед чьим-то носом красными книжечками? Она подходила к девушке, которая держала руки в мыльной воде, и говорила: «Девонька, вынь, пожалуйста, ручки». Девонька взлетала из кресла, в него опускалась Наталья.

Сац заходила в стол заказов и низким голосом интересовалась, есть ли курица. Продавщицы отвечали, что

нет. «А вы поищите», – говорила Наталья, и все находилось. Она клала подмышку курицу в пакете и величественно удалялась.

Сац говорила: «Единственное, чего я боюсь, – выглядеть смешно». Смешным она считала стремление молодиться. Я боялся другого – повторить на лице траекторию старости. Сац говорила мне: «Вы участвуете в моем успехе» – наверное, мы все делали правильно.

О Макаровой

Пригласив в спектакль тетра им. Моссовета «Двое на качелях» Наталью Макарову, Виктюк попал в десятку. Имя знаменитой русской балерины произносили в одном ряду с Барышниковым, Нуреевым.

Я знал, что Макарова очень осторожно относится к людям, долго привыкает и приглядывается. Она похожа на взрослого ребенка, слишком хорошо понимающего жизнь и слишком незащищенного перед ней. Вокруг нее ореол грусти. Она пригласила меня на первую репетицию. Потом подошла, тревожно спросила: «Ну как?» Я ответил, что эмоционально очень трогает. У нее на глазах выступили слезы.

Когда Наталья Макарова закончила карьеру балерины, она дала слово никогда больше не вставать на пуанты. Виктюк вынудил ее нарушить это обещание. Свои самые последние пуанты, в которых она выходила на сцену в «Двое на качелях», Наталья подарила на память мне.

Так странно бывает – работаешь с моделью, женщиной, от которой умирает мир. Между нами возникает столп напряжения, мне кажется, что никого лучше ее нет. Работа заканчивается, мы встречаемся через пару недель, и нам не о чем говорить. Напряжение пропало, и ей обидно, и мне – как будто что-то недодали, в чем-то обманули. С Демидовой, Максаковой, Ахеджаковой, Макаровой у нас продолжительные романы, с каждым разом становящиеся глубже и ярче. Меня все называют на «ты», кроме них. Это женщины, которым можно говорить правду и которые говорят правду тебе. Рядом с которыми растешь.

Наталья ЩЕРБАНЕНКО
Фото: Олег ГОЛОВИН

20.08.97

Новиков Лев